

Место библейской и античной ономастики в поэзии И. Бродского

Г. М. Миропольский

СУМЫ (УКРАИНА)

Аннотация. Частота использования И. Бродским библейской и античной ономастики указывает на личную религиозную драму поэта. Основное ее напряжение приходится на начало 1980-х гг. Семантическое поле античности представляется конкурирующим с семантикой христианства. Пик использования античной ономастики приходится как раз на период спада использования ономастики библейской, на период (ложного) произведения «Изо рта, сказавшего все, кроме “Боже мой”...».

Приблизительно на то же время (на начало 1980-х) приходится отказ от платонического написания имен-понятий (Время, Человек, Бессмертье и т. д.).

Впрочем, использование библейской ономастики никогда не падает до нуля и является постоянным лексическим фоном на протяжении всей жизни поэта.

Изменение частоты использования библейских имен собственных синхронно с использованием И. Бродским ямбов. Ямбы – идеологически («духовно») нагруженный размер для поэта. Резкое падение их доли (как в стихотворениях, так и в стихотворных строках) приходится на конец 1970-х гг. – одновременно с падением использования библейской ономастики.

Ключевые слова: ономастика, И. Бродский, библия, античность, религия, метрика стиха.

УДК 821.16 + 82.01/09

Миропольский Г. М. Место библейской и античной ономастики в поэзии И. Бродского // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 217–230.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 2
© Г. М. Миропольский, 2016

Контактная информация: Миропольский Геннадий Михайлович, независимый исследователь (Сумы, Украина; miropolskij@gmail.com)

В некоторых случаях словари имен собственных поэта могут прямо рассказать о его поэтике, свидетельствовать о ее первичных полях тем и значений. Такого рода работы в отношении других поэтов в сети немногочисленны, а в отношении И. Бродского словарь имен собственных был составлен¹

Под «именами собственными» здесь и далее подразумеваются не только существительные, но и аббревиатуры, игры с прописной / строчной буквой, не вписывающиеся в правила грамматики русского языка, – короче, все употребления заглавной буквы в именах.

Так, например, помимо имен собственных, являющихся именами «по орфографическим правилам» (имена персонажей, мифологических героев, адресатов, топонимов и т. д.), Бродский сравнительно широко (118 раз) и платонически использует в качестве имени родовое понятие: Время, Человек, Бессмертье и т. д. Вряд ли хронография такого использования или даже формирования с помощью заглавной буквы Понятий является немой по отношению к поэтической биографии Бродского (что, кстати, мы вообще понимаем под «поэтической биографией» – это всегда вопрос).

Для публикации отобраны несколько значительных по частотности категорий, имеющих, как мне казалось, прямое отношение к эволюции поэтики Бродского, что бы мы под нею ни понимали.

Во-первых, это имена собственные, связанные с Библией. Библейские имена разделены на три подкатегории: относящиеся к Ветхому завету (Авраам, Исаак, Рай, Адам и т. д.), относящиеся к Новому завету (Иисус, Мария, Ирод и т. д.) и, наконец, в отдельную категорию вынесено использование существительного Бог и связанных с ним слов (а Бродский пишет их всюду с прописной буквы): сюда были отнесены и притяжательные прилагательные «Божий», обращения «Отче», «Боже», существительное «Творец», местоимения «Ты», «Он» (в случаях, когда речь идет о Боге). Конечно, формальное отнесение к рубрике Библейских имен однокоренных слов со словом «Бог» не всегда корректно: контекстуально Бог может оказаться античным божеством. Однако такое решение было принято, и оно оправдано фактически: даже там, где употребление «Бог» не подразумевает вообще никакого конфессионального контекста, речь, по всей видимости,

¹ См.: Миропольский Г. М. Электронный указатель ономастики Бродского. URL: https://www.academia.edu/19687278/Электронный_указатель_ономастики_И.Бродского (дата обращения 02.05.2016).

все-таки идет о привычке произносить «Бог» в житейски-библейском смысле («с Богом!», «ей-Богу» и т. д.).

Вторую крупную категорию, статистика использования которой представлена в этой работе, составили имена собственные, относящиеся к греческой и римской античности. Сюда попали как имена мифологических существ, божеств, мифологические топонимы (Музы, Лета, Вертумн и т. д.), имена историко-культурных деятелей античности (Тиберий, Марциал и Эвклид, например). Но не попали топонимы «Рим» или «Греция», поскольку использование их вполне современно и невозможно ясно отделить по контексту – идет ли речь об использовании символизма античности или о сегодняшнем дне. Не попал и «Постум», поскольку он – персонаж.

Численная база расчетов

Прежде всего следует исполнить методическую обязанность и описать статистическую базу, на которой проводились расчеты.

Всего с 1958 по 1996 г. более или менее ясно датированы 30 858 стихотворных строк², в том числе опубликованные посмертно.

Некоторые поэмы («Шествие», «Горбунов и Горчаков» и т. д.) были произвольно разбиты на несколько «отдельных» стихотворений для технического удобства построения электронного справочника, и с таким произвольным разбиением получилось 658 «стихотворений». Имеет смысл помнить об этом, когда будут демонстрироваться графики по годам в разрезе стихотворений. Но, судя по всему, никаких существенных искажений эти произвольные разбиения крупных форм (крупных – в смысле количества стихотворных строк) в обнаруженные явления не внесли: мы будем видеть более или менее совпадающий характер графиков построчных и по стихотворениям.

За пределами рассмотрения оказались около 26 стихотворений с неопределенной датой написания и дата написания которых охарактеризована как «1960-ые». Стихотворения 1957 г. были также исключены из рассмотрения. Всего «выпущенных» строк чуть больше 500. Вряд ли процент ошибки в графиках из-за этой неопределенности будет больше 3,5 %.

Для стихотворений, датировка которых описана интервалом (например, 1962–1963), датой их написания была принята дата конца интервала.

Для стихотворений, у которых указана дата публикации, дата написания принята равной дате публикации.

Для того чтобы снизить ошибки датировки и снять эффект дрожжащего / скачущего графика из-за слишком мелких делений (по годам), все годы

² Для датировки использовался электронный ресурс: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения 02.05.2016).

творческой жизни И. Бродского были сгруппированы в интервалы по 3 года. (Здесь неявно присутствует вопрос, который вновь нужно задать: что вообще мы понимаем под эволюцией поэтики, если работа над стихотворным текстом может происходить годами?)

Графики были сглажены кубическим сплайном встроенными средствами OpenOffice.

Приведем графики «продуктивности» И. Бродского в стихотворениях и строках по годам (рис. 1).

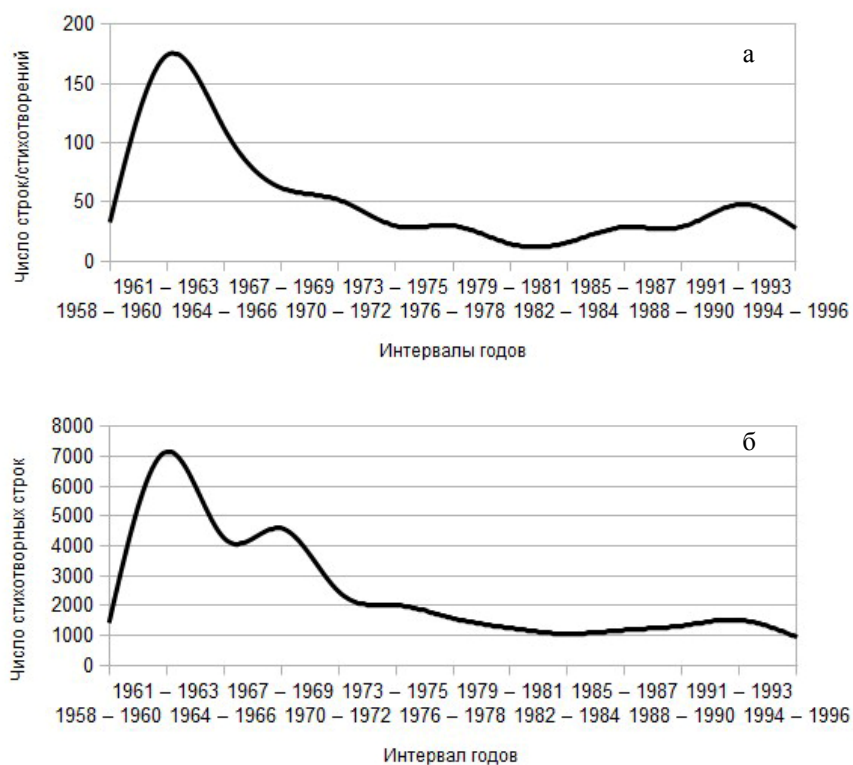

Рис. 1. «Продуктивность» И. Бродского:
а – в стихотворениях; б – в стихотворных строках

Как видим, характер графиков более или менее схож, и, следовательно, произвольное разбиение больших (по количеству строк) текстов на несколько «стихотворений» не сильно сказалось на всей работе.

Еще раз напомним: все значения даны по трехгодичным интервалам. Например: максимальное значение рис. 2 – 7 158 строки – приходится не на 1962 г. (и не на 1961 или 1963), а на 3 года в совокупности: именно столько строк было написано с 1961 по 1963 г. включительно.

Завершая методическую часть, следует привести сводные данные об использовании И. Бродским имен собственных (в смысле, описанном выше, т. е. учитывая игру с прописными буквами в тексте, посвящения, эпиграфы, если в них есть имена собственные, и т. д.).

Всего стихотворений с собственными именами у И. Бродского 520. Это означает, что около 80 % стихотворных текстов так или иначе работают с ономастикой.

Трудно сказать, много это или мало, поскольку не с чем сравнивать, но этого достаточно для того, чтобы понимать чистую фактическую значимость явления. На графике мы видим много большее единицы значение среднего употребления имен собственных на стихотворение. Так происходит потому, что есть тексты («Горбунов и Горчаков», например), в которых имена собственные встречаются неоднократно (те же Горбунов и Горчаков – десятки раз).

Частота употребления имен собственных относительно стихотворных строк приводится здесь (и далее всюду) на 100 стихотворных строк (рис. 2).

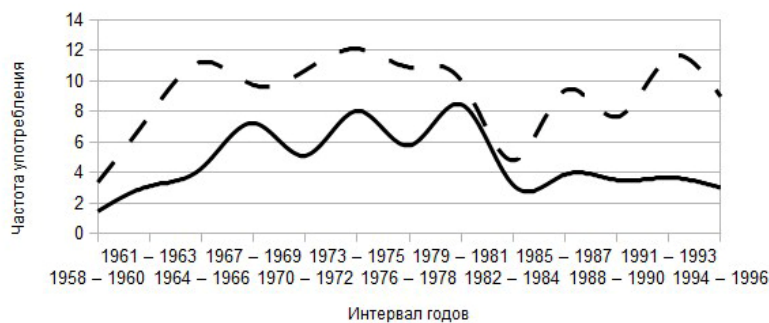

Рис. 2. Частота использования имен собственных И. Бродским (сплошная – на стихотворение, пунктирная – на 100 стихотворных строк)

Таким образом, средняя частота использования имен собственных равна 4,36 раза на стихотворение и 9,29 раза на 100 стихотворных строк.

Переходим, наконец, к результатам.

Библейские имена собственные

Библейские имена собственные остаются как минимум постоянным ономастическим фоном словарного употребления на протяжении всей творческой жизни поэта. Частота их употребления падает в разы в последнее десятилетие жизни по сравнению с первым десятилетием творчества, но нигде и ни разу их употребление не становится ниже одного словопотребления на 5 стихотворений и одной стихотворной строки с библейским именем на 200 стихотворных строк. Всего стихотворений с библейскими именами – 180 (из 658, напомню), стихотворных строк – 442 (из 30 858).

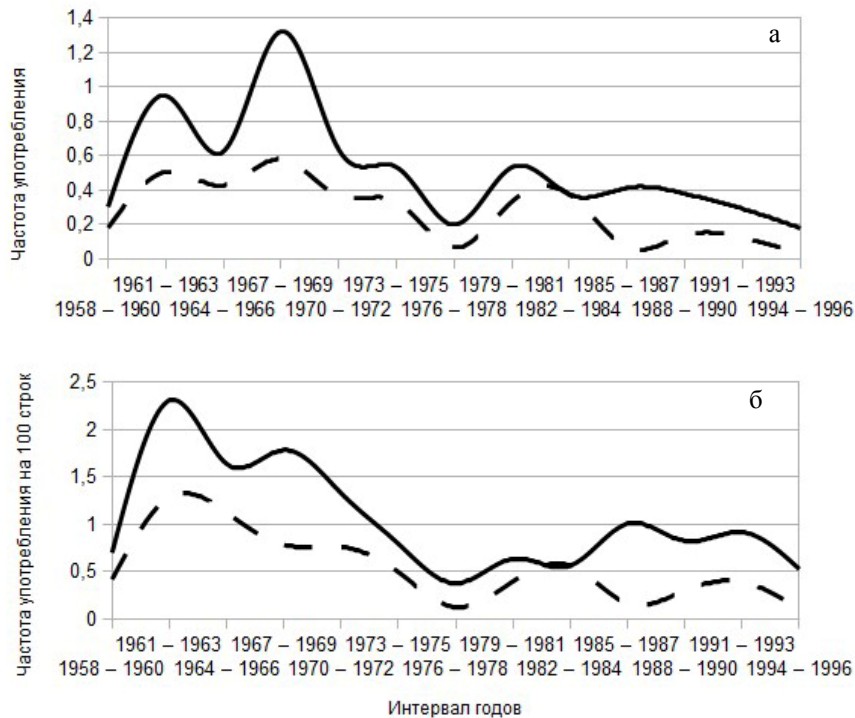

Рис. 3. Частота употребления библейских имен И. Бродским:
а – на стихотворение; *б* – на 100 стихотворных строк
 (сплошная – вся библеистика, пунктирная – «Бог»)

Фоновый и постоянный шум библейских имен мы можем оценить по сравнению с упомянутым во введении распределением платонических имен-понятий (Человек, Бессмертие, Судьба, Время и т. д.). Я приведу этот график для контраста к графику использования библейских имен. Обратите внимание на масштаб: амплитуда распределения вдвое меньше, чем амплитуда использования библейских имен.

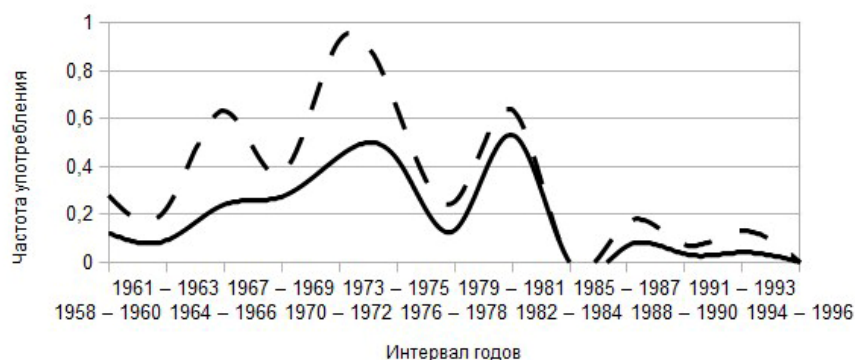

Рис. 4. Частота употребления собственных имен-понятий (сплошная – на стихотворение, пунктирная – на 100 стихотворных строк)

С 1982 г. Бродский отказывается от платонического написания понятий-категорий с прописной буквы. Спорадические и единичные словоупотребления такого рода в последнее десятилетие жизни дважды связаны со словом «Время» (в одном стихотворении). Ситуация отличается от использования библейских имен.

В самом по себе установлении факта неснижающейся семантической значимости христианской религиозной проблематики у И. Бродского нет особенной новости. Важны детали.

Незначительное падение частоты использования библейской ономастики в 1964–1966 гг. хронологически совпадает со временем суда и Норенской ссылки. Однако график общего использования имен собственных в этот период не имеет никаких провалов (см. рис. 2). «Недостаток» библейской ономастики в этот период компенсируется несколькими типами имен собственных: начавшимся ростом числа имен-понятий (см. рис. 4), ростом частоты использования античных имен (графики будут представлены ниже), значительным числом обращений на «Вы» к адресатам и, на-

конец, значительным числом самих адресатов (только к М. Б. в эти годы 12 посвящений, что по-житейски понятно).

Второй «провал» частоты употребления библейских имен собственных происходит в 1976–1978 гг. Совершенно естественно мы склонны соотносить численные изменения с какими-то известными биографическими фактами. На 1976–1978 гг. не приходится суда и второй Норенской ссылки. Я не знаю, с чем соотнести этот провал на графике. Бродский уже в США. Известно, что в 1976 г. он пережил инфаркт, в 1978 – операцию на сердце, а 1979 г. оказался для него годом молчания.

Говоря о «фоне» библейских имен нужно помнить, что речь идет о численном фоне. Контекст употребления нигде не исследовался, а ведь он был разным. Скажем, словосочетание «мушиный Рай» («Муха», 1986 г.) вряд ли могло быть произнесено в 1960-е гг. Хотя и в 1986 в этом словопотреблении нет никакой иронии.

Основной вклад в фон библейской ономастики всюду, за исключением последнего десятилетия жизни, вносят словоупотребления «Бог», «Боже», «Божий» и т. д. (см. рис. 3), которые неслучайно выделены в отдельную подкатегорию. Часто форма «боже» – нечто вроде автоматического бормотания или восклицания лица, от которого ведется речь, его вполне можно соотнести с бессознательным пробалтыванием (персонажа ли, лирического героя ли), но есть и иронические словоупотребления (диктор вздыхал «О, боже»), есть и прямые обращения к Творцу, конечно.

В «Точка всегда обозримей в конце прямой» 1982 г. мы помним знаменитую строку: «Изо рта, сказавшего все, кроме “Боже мой”...». Так вот, это поэтическое утверждение является гиперболой. Словосочетание «Боже мой» произнесено И. Бродским тридцать пять раз (иногда по несколько раз в стихотворении), но именно в этом стихотворении 1982 г. оно произнесено в последний раз.

Здесь значимый момент для понимания и микроскопический след – воспользуемся клише – глубокой религиозной драмы. «Изо рта, сказавшего все, кроме “Боже мой”» не является ни наглой ложью, ни бравадой. Вероятно, это данное себе (и сдержанное в последствии) слово, нечто вроде непустого риторического обязательства в прошедшем времени, данного «при людях».

Смысл этого, казалось бы, пустячного объявления на язык житейской прозы можно переложить как отказ от «вопля» (для сравнения, 1980, синонимично: «Позволял своим связкам все звуки, помимо воя»). Можно предпологать, что в эти годы (1980–1982) необходимость взять такого рода обязательства (перед собой) была ясно осознана и, видимо, чем-то вынуждалась. Называя эту проблему религиозной, следует отдавать себе отчет в условности именовании. Но чтобы дать представление о безусловности самой проблемы напомним, что Н. Я. Мандельштам в «Воспоминаниях», например, специально настаивала не только на праве человека на вопль,

но даже на обязанности его оратор в некоторых ситуациях. Здесь есть точка этического выбора: имеешь ли ты право на нечленораздельную речь.

В работе «О развитии поэтики Бродского с притопом»³ говорится о том, что с 1976 г. в поэзии Бродского исчезают вертикально разворачивающиеся визуальные перспективы (снизу вверх или сверху вниз). Я позволил себе назвать это явление «осыпанием христианских перспектив». К концу 1980-х проявляются явные ницшеанские по смыслу созвучия, осознанность их Бродским и причинно-следственные связи которых с Ницше, возможно, и нельзя доказать, но концептуальное родство просто очевидно. Я хочу только поправить одно частное впечатление, которое могло бы возникнуть из этой прошлой работы (и у меня были действительно такие соображения): христианские перспективы как принципы построения пейзажа действительно исчезают, лирический герой действительно (часто) перестает быть привычно «лирическим», ницшеанские аллюзии действительно возникают, но, глядя на графики рис. 3, б, 4, все-таки нельзя сделать вывод об исключительно ритуальном характере Рождественских обращений Бродского в последние годы.

Да, частота использования библейской ономастики в последнее десятилетие жизни падает. Но, видимо, это не «проблема» в смысле технической задачи, ее нельзя «решить». Она «фонит» до самого конца.

Различение использования Ветхого и Нового заветов не предоставляет нового знания: использование имен Ветхого завета и имен Нового колеблются вокруг сходных значений, в 1961–1963 гг. превышение числа имен Ветхого завета частично обусловлено словами «Исаак» и «Авраам».

Античные имена собственные

Античные имена собственные употребляются в среднем в 1,4 раза реже, чем библейские, но и это не мало. График распределения частот по годам, в отличие от библейской ономастики, обладает ясно выраженным максимумом. Этот максимум приходится точно на 1981 г., он вносит (по сравнению с другими годами) существеннейший вклад в общую статистику. На 1981 г. приходятся, в частности, «Бюст Тиберия», «К Урании», «Римские элегии». (В 1982 написана пьеса «Мрамор» на псевдоримский сюжет – о «римской» этике. Пьеса не стихотворная, в наши расчеты не попала, но иметь в виду этот контекст нужно.)

142 стихотворения из 658 содержат античные имена собственные – 295 из 30 858 стихотворных строк.

³ Миропольский Г. М. О развитии поэтики Бродского с притопом. URL: <http://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/o-razviti-poetiki-brodskogo-s-pritopom> (дата обращения 02.05.2016).

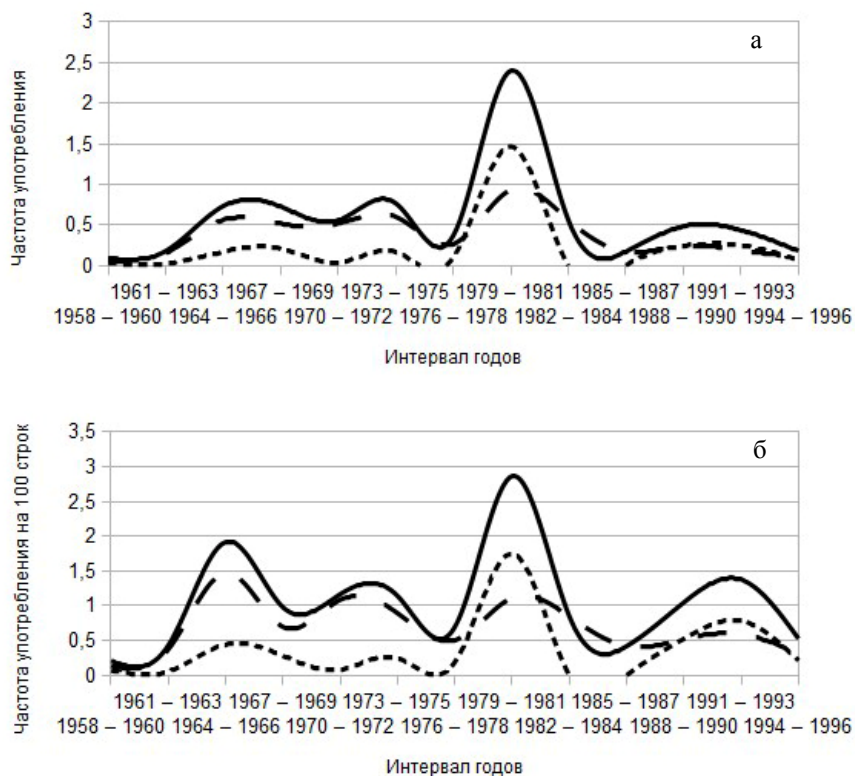

Рис. 5. Частота употребления античных имен И. Бродским:
 а – на стихотворение; б – 100 стихотворных строк
 (сплошная – в целом, длинный пунктир – Греция,
 короткий пунктир – Рим)

Имеет смысл напомнить, что близко к тому же периоду, что и максимумы рис. 5, на начало 1980-х, приходится гипотетический кризис «Боже-моя» из предыдущей главы. На тот же интервал 1979–1981 гг. (а фактически 1980–1981 гг.) приходится второй пик платонического использования имен-понятий (см. рис. 4). И тогда же, судя по всему, пишется пьеса «Мрамор».

Складывается такое впечатление, что семантика античности в 1980–1982 гг. служила альтернирующим смысловым миром – семантическому миру библейских имен. И сразу вслед за этим периодом, в 1982–1984 гг.,

мы наблюдаем «провал» на графике использования всех собственных имен (см. рис. 2). Подозрение, что «здесь что-то такое есть», и предопределило выбор категорий-рубрик для настоящей публикации.

Конечно, использование собственных имен – ни качественно, ни количественно – не является «поэтическим» признаком речи. Семантические поля ономастики являются символической микрофлорой почвы, из которой произрастают (могут произрастать) поэтические значения и формы. Это, скорее, бессознательный и/или клишированный мир «до» или «вне» поэзии.

Количественный анализ этой семантической микрофлоры дает некоторое представление о хронологических узлах поэтических трансформаций.

Подытожим.

В 1964–1966 гг. мы наблюдаем первый спад использования библейских собственных имен. В 1976–1978 гг. – второй спад. Мы вправе предполагать, что речь идет об идеологических / религиозных / метафизических напряжениях (что бы мы ни понимали под этими словами). Этим слов не стоит бояться. В конце концов, все, что мы называем идеологией – это риторика, так или иначе принятая в качестве личного императива. Общее использование собственных имен при этом Бродским до 1982–1984 гг. держится на более или менее постоянном и высоком уровне.

Оба этих спада в использовании библейской ономастики не синхронны или не полностью синхронны с использованием античных имен и платонических имен-понятий. Использование античных имен в 1964–1966 гг., например, достигает своего первого (незначительного) пика. То же касается «платонических» родовых понятий, написанных с прописной буквы.

В 1980–1981 гг. наблюдаются одновременные максимумы в использовании античных имен и имен-понятий, в то время как библейская ономастика сравнительно низка (она, впрочем, нигде ненулевая).

Конечно, допоэтических семантических полей не два, они не сводятся к библеистике и античности. Но мы вправе думать, что эти два семантических поля входят в число основных и являются конкурирующими. Речь не идет об исключаящем «или – или»: и «Бог» и «Музы» могут встречаться в пределах одного стихотворения и одной строки. Но похоже на то, что там, где эти символические поля осознаются как принципиально различные, там делается неавтоматический, осознанный выбор в пользу одного и только одного поля.

Покажем синхронность изменения частоты использования библейских имен с изменением частоты использования Бродским ямбов.

Ямбы как идеологически нагруженный размер у Бродского

Этот результат явился неожиданностью для меня. Предполагалось дать для контраста с семантической статистикой пример распределения по го-

дам метрических характеристик стиха. В работе «Метрический репертуар Бродского по годам жизни и другие статистические сведения»⁴ приведена хронология изменения метрического репертуара И. Бродского. К концу 1970-х доля ямбов (ранее занимавших более половины всех стихотворений и стихотворных строк) падает фактически до нуля, и в последнее десятилетие жизни поэта ямбы перестают играть сколько-нибудь существенную роль в метрическом репертуаре (в количественном выражении). После 1980-го основной массив стихотворений написан тоническим стихосложением.

Предполагалось поставить во взаимосвязь точки на оси времени резких изменений метрических характеристик с точками, выявленными при анализе использования ономастики.

Вот что получается (рис. 6).

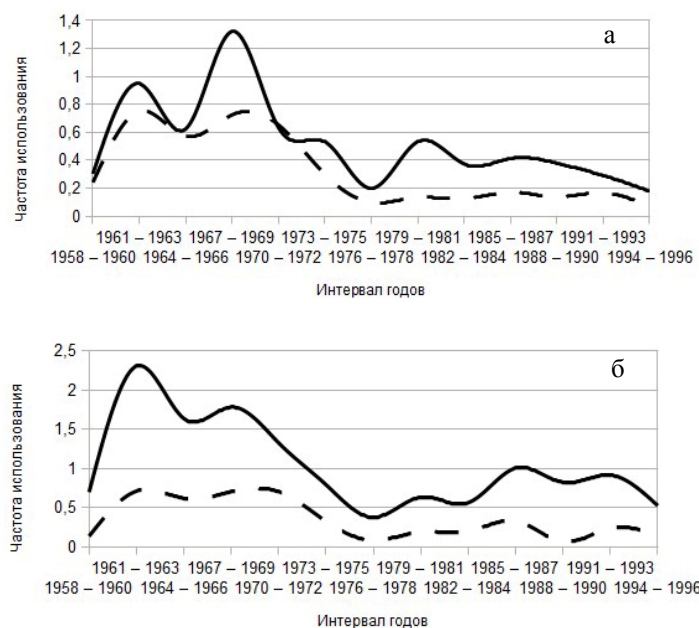

Рис. 6. Частота употребления библейских имен (сплошная) и ямбов (пунктир) у И. Бродского: а – по стихотворениям; б – по стихотворным строкам (на 100 строк)

⁴ Миропольский Г. М. Метрический репертуар Бродского по годам жизни и другие статистические сведения. URL: https://www.academia.edu/20139332/Метрический_репертуар_И.Бродского_по_годам_жизни_и_другие_статистические_сведения (дата обращения 02.05.2016).

Коэффициент корреляции не рассчитывался, но кажется очевидным – он высок, а графики синхронны. Это особенно заметно в расчете по стихотворным строкам (см. рис. 6, б).

Это означает, что к 1978 г. Бродский не просто отказывается от ямбов – это не чисто «техническое» решение. Одновременно с этим отказом происходит форсированное переключение с библейской на античную ономастику. И есть все основания полагать, что снижение роли библейских тем было как минимум осознано идеологически или даже носило характер решения (напомню: «Изо рта сказавшего все, кроме “Боже мой”...»).

За пределами этой работы остается вопрос о том, во что разрешается дилемма символических значений «христианство vs античность» в последние 5–10 лет жизни поэта (и в каком смысле она может «разрешаться»). Из представленных материалов ответ на этот вопрос неясен.

Вместо заключения

Временной интервал, когда архивы великого поэта закрыты, в каком-то смысле может быть бесценным для исследователя. Ничто – ни знание бытовых подробностей, подробностей жизненных перипетий героя и его близких, ни обилие черновиков и писем, ни личные интимные записки с их сомнениями и решениями – не заслоняет того, что сам поэт сознательно выдвигал в качестве главного плана своей публичной жизни.

Эта ситуация вынуждает нас к поиску более тонких и точных инструментов для понимания поэтики, она позволяет нам проблематизировать само представление о поэтической биографии и смысл, который мы вносим в периодизацию творческой жизни поэта.

Article metadata

Title: Position of biblical and ancient onomastics in J. Brodsky poetry

Author: G. M. Miropolsky

Author's e-mail: miropolskij@gmail.com

Author affiliation: Independent researcher

Abstract. The frequency of J. Brodsky use of biblical onomastics indicates the personal religious drama of the poet. The main intensity of the latter came in the beginning of 1980. The semantic space of antiquity appears as a competitor of the semantics of Christianity. The peak of the antique onomastics appearance in J. Brodsky's work was exactly at the time of the significant drop of the biblical onomastics in his work. We observe it in the (false) utterance «Изо рта, сказавшего все, кроме “Боже мой”...».

Around that period, in the beginning of 1980, J. Brodsky renounces the use of platonic writing names-concepts (Time, Human, Immortality, and so on).

However the use of the biblical onomastics never disappears completely, it occurs as a constant lexical background during the whole poet's life.

Within the context of J. Brodsky work, the frequency of the use of biblical names is, in fact, directly related to the use of iambus. For the poet, iambus arises as the metre that bears ideological and even «spiritual» meaning. A crucial part's drop of iambus in J. Brodsky poetry comes in the end of 1970 at the same period of the significant drop of the biblical onomastics appearance.

Key terms: onomastics, J. Brodsky, bible, antiquity, religion, intersyllabic pauses.